

Рэйчел Луис Снайдер

18+

БЕЗ ВИДИМЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

Corpus

Наша неосведомленность
о домашнем насилии может
оказаться смертельной

ВХОДИТ В ДЕСЯТКУ
ЛУЧШИХ КНИГ ГОДА
ПО ВЕРСИИ
NEW YORK TIMES

Анатомия современного общества

Рэйчел Луиза Снайдер

Без видимых повреждений

«Corpus (ACT)»

2019

УДК 316.6(73)
ББК 88.5

Снайдер Р.

Без видимых повреждений / Р. Снайдер — «Corpus (АСТ)»,
2019 — (Анатомия современного общества)

ISBN 978-5-17-119853-4

Несмотря на то что в Америке случаи домашнего насилия составляют более 15% всех преступлений, о нем до сих пор не принято говорить громко. Журналистка Рэйчел Луиза Снайдер посвятила несколько лет исследованию этой проблемы. Она проследила всё: от того, как зарождается жестокость в отношениях, до принципов, которыми руководствуется полиция, расследуя подобные дела. Материалом послужили истории нескольких резонансных преступлений, всколыхнувших американское общество. Снайдер фокусируется не только на жертвах домашнего насилия, но и уделяет внимание тем, кто его творит. Она взяла десятки интервью, чтобы восстановить цепь трагических событий. «Без видимых повреждений» — нелегкое, но важное, и даже необходимое чтение, ведь и в России о домашнем насилии всё еще не принято говорить вслух. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.6(73)
ББК 88.5

ISBN 978-5-17-119853-4

© Снайдер Р., 2019
© Corpus (АСТ), 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Конец	19
Маленькие безумцы	19
Сестры не разлей вода	23
Что у него внутри	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рэйчел Луиза Снайдер

Без видимых повреждений

Барбаре Дж. Снайдер

© Rachel Louise Snyder, 2019

© Е. Курова, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

Предисловие

Из центра Биллингса арендованная машина несет меня к загородному четырехэтажному дому на холме, откуда можно обозреть всю округу. Внешний мир видится как в телескоп: горы, равнины, запасные пути в любой уголок Монтаны и за ее пределы. Человек, ради встречи с которым я здесь, долго избегал меня. Пассивное избегание. Я уже приезжала в Биллингс из Вашингтона, говорила с его дочерьми, бывшей женой, социальными работниками. Приезжала не раз. Познакомилась с людьми – кое с кем из полиции, из прокуратуры, с адвокатами, работниками гостиницы, даже владельцем типографии, жена которого устроила в цокольном этаже музей, посвященный женщинам. И вот наконец, в третий мой приезд, он согласился на встречу.

Мне случается беседовать со многими, кто не жаждет говорить со мной. С теми, кто убил кого-то из членов своей семьи; с теми, кто сам едва не оказался жертвой; с теми, кто арестовывал убийц; с людьми, чье детство прошло рядом с тем, кто мог их убить. Такие, как Пол Монсон, не склонны говорить, они не хотят выражать вслух всю глубину своих утрат, ибо эти утраты с трудом умещаются в их сознании.

Подхожу к дому – в нем слышится шарканье; на мгновение мне приходит в голову, что Пол не откроет мне, что он передумал беседовать. Я в Биллингсе уже несколько дней, он знает об этом. Мы долго говорили с Салли Сжаастад, бывшей женой Пола, но ей не удалось с первого раза уговорить его встретиться со мной. Вторая и третья попытка также не увенчались успехом. Честно сказать, я удивлена, что он вообще согласился. На глухой серой двери полно вмятин.

Наконец, дверь открывается. Пол почти не поднимает глаз. Он сутуловат, у него редкие седые волосы и изможденное лицо. Выглядит на свой возраст – слегка за шестьдесят. Пол открывает дверь шире; не глядя в глаза, жестом приглашая меня войти. На нем джинсы и синяя, наглухо застегнутая рубашка. Кажется, он стискивает зубы.

Пол сам построил этот дом. Такое впечатление, что в него только что заселились: отделки почти нет, по углам открытые коробки. Телескоп упирается в ковер, как будто уже отслужил свое. За окнами видны только горы. Пол сдержан, молчалив и педантичен. Мы сидим в столовой, Пол не отводит взгляда от своих пальцев, барабаниющих по гладкому краю стола. На столе груды бумаг. Наугад я делюсь впечатлениями об арендованной машине, и это задает тон беседе, направляя ее в безопасное русло.

Отец научил меня разбираться в машинах: показал, как менять масло и шины, как измерять уровень жидкости и заменять воздушные фильтры. От него я узнала о механике поршня. Самые азы, но этого достаточно. Пол – конструктор-электротехник – человек инженерного склада. Автомобили – самая подходящая для него тема, где все знакомо и ясно. Уравнение легко решается – напряжение обеспечивает искру между электродами свечи, воспламеняет топливно-воздушную смесь, и вот двигатель заведен. Всё предсказуемо. Всё исправимо. Если что-то пойдет не так, проблему легко решить. Я слушаю его. Он рассказывает о первых машинах, которые сам купил дочерям. У Алиссы была Хонда Сивик. У Мишель – белый Субару. А у Мелани машины не задерживались – он купил ей не одну. Он понимает, что мы еще не коснулись темы, ради которой я здесь, напряжение висит в воздухе, как влажный пар.

Роки обожал машины. Пол помнит его первую; кажется, зеленый Опель. Роки – это его зять, муж средней дочери, Мишель. «Первое, что помню, – это как он затормозил здесь у бордюра – приехал увидаться с Мишель», – вспоминает Пол. Сначала машина, потом человек. И после Роки немало времени проводил с одним из своих Мустангов. «Одну машину он сам собирал, а другая была из запчастей, – так помнится Полу. – В этом был его главный интерес, он подолгу оставался в гараже один». По словам Пола, они с Роки так и не стали близки, как положено тестю и зятю. Мишель и Роки были вместе почти десять лет, но Пол помнит лишь

один разговор с Роки о Мустанге. Роки попросил посоветовать, каким цветом красить машину. По мнению Пола, если не можешь выбрать цвет, остановись на белом. Белый всё прощает. Даже если покраска будет с огрехами, всё равно не так заметно, «белый есть белый».

В ноябре 2001 года Роки Мозур купил ружье в интернет-магазине Thrifty Nickel, там можно выбрать что пожелаешь – от хорька до трактора или пианино. Потом он отправился домой, где Мишель только что накормила детей ужином. Сосед видел, как Роки заглядывал в окна. Затем он застрелил их всех по одному: Мишель, Кристи, Кайла, после чего выстрелил в себя.

История потрясла весь штат. Мишель было всего двадцать три, детям – шесть и семь лет. В первом и во втором классе. Учились читать. Рисовали человечков и леденцовые деревья. Пол нашел Кайла на ступеньках, Роки лежал внизу лестницы, лицо его было искажено, руки исписаны, словно фломастером. Машина Мишель была на месте, и Пол надеялся, что она жива. Он побежал на задний двор, потом в гараж. Увидел Мустанги Роки. Сумку с семейными видео. Приехавшая полиция нашла Мишель.

В дом Пола Монсона меня привел путь, которым многие журналисты добираются до самых значимых историй: через запутанные знакомства и дороги, через годы расследований. Летом 2010 года я стояла перед домом своего друга Андре Дубуса в Новой Англии, когда приехала его сестра Сьюзанн. Следующие несколько часов определили ход моей жизни на ближайшие десять лет.

Примерно годом раньше я вернулась в Штаты после долгой жизни за границей, в основном в Камбодже, где провела шесть лет. Адаптироваться было нелегко. Приходилось сидеть на совещаниях в университете, где я числилась в должности старшего преподавателя, демонстрируя компетентность в бюрократических тонкостях и педагогике, которые были для меня китайской грамотой. Живя в Камбодже, я писала о групповых изнасилованиях, проблемах в обществе после геноцида, о бедности и правах трудящихся, по сути, обо всем, что касалось выживания. В Пномпене за ужином разговоры экспатов велись в основном о суде над военными преступниками¹, секс-трафике, насилии, политической коррупции. Как-то раз я гуляла с собакой в ближайшем парке, и вдруг мой сосед – водитель такси – резко притормозил и буквально втащил меня на сиденье машины, я с трудом удержала собаку на коленях, и машина резко рванула из парка Хун Сен. Оказалось, что за мгновение до этого здесь застрелили человека, и Софал, водитель, решил отвезти меня в безопасное место. В другой раз, тоже на прогулке с собакой в том же парке, я стала невольным свидетелем самосожжения – какой-то человек поджег себя, и я окаменела от ужаса, видя, как он горит. Моя подруга Миа, тоже жившая в Пномпене, говорила, что мы стоим на передовой в войне за человечность.

Нельзя сказать, что в США не было проблем – нищета, болезни и стихийные бедствия не обошли нас стороной. Но я успела забыть, что жить здесь вполне возможно: если иметь желание и средства, без труда защитишь себя от большинства этих проблем. Моя новая жизнь оградила меня от историй, которым я посвятила десятилетия, совершенно неожиданным образом. Я не была несчастной. Просто меня не покидало беспокойство. Старшеклассницей я занималась художественной литературой, но после школы меня потянуло к документалистике, потому что в ней я сразу увидела более прямой путь к переменам. Меня манили скрытые уголки мира, судьбы бесправных и обездоленных, потому что в какой-то степени я понимала, каково быть

¹ Официальное наименование – Чрезвычайные палаты в Судах Камбоджи, не следует путать с Международным уголовным судом в Гааге, Нидерланды. В неформальных разговорах мы часто называем Суд Камбоджи Трибуналом военных преступлений.

невидимым и неслышанным, каково переживать трагедию, выходящую за пределы человеческих сил.

В тот давний день 2010 года мы с Сюзанн поговорили о хозяйстве ее брата. Она с семьей была занята сборами к предстоящим ежегодным каникулам в глуши штата Мейн, ее брат Андре вручил ей внушительный список необходимых покупок. Она рассказала мне, что работает в агентстве по борьбе с домашним насилием в своем городе, и что они недавно запустили программу под названием “Группа риска домашнего насилия”. Их главная цель была проста: попытаться предвидеть вероятность убийств на почве домашнего насилия до того, как они случатся, и постараться предотвратить их.

Мне это сразу показалось маловероятным. Столь маловероятным, что я усомнилась, верно ли поняла суть. Помнится, я спросила: «Предсказать? Вы сказали “предсказать убийства на почве домашнего насилия”?»

За годы моей работы мне случалось иметь дело с домашним насилием, и не только в Камбодже, но и в Афганистане, Нигере, Гондурасе и других государствах. Но эта тема не была для меня центральной, она всегда оказывалась на периферии какой-то другой истории, которой я занималась, и потому представлялась обыденной. Юные девушки из Кабула, осужденные за преступления чести; индийские девочки-невесты, с которыми можно было говорить только под надзором мужчин; тибетские женщины, подвергшиеся насильственной стерилизации китайскими властями; невесты-подростки из Нигера, отверженные и изгнанные из своих селений из-за послеродовых свищей; румынские женщины, которых Чаушеску заставлял непрерывно рожать, ставшие бабушками в тридцать лет, обреченные на нищету; камбоджийские проститутки, избиваемые и насилуемые богатыми кхмерскими юнцами. Все эти женщины разных стран, униженные мужчинами и привычно подконтрольные им. Мужчины создавали правила, и нередко путем физического насилия. Эта идея просвечивала во всех историях, собранных в разных странах и описанных мной, как затененный фон, столь очевидный, что я и не замечала его. Обычный, как дождь. Если до той встречи с Сюзанн Дубус я и задумывалась о домашнем насилии, оно представлялось мне тяжким уделом немногих несчастливцев, не более чем результатом неверного выбора или жестоких обстоятельств.

Женщины, запрограммированные быть жертвами. Мужчины, запрограммированные быть палачами. Однако я никогда не видела в этом социального зла, эпидемии, с которой можно бороться. И вот передо мной Сюзанн Дубус, и она поднимает вопрос о предотвращении этого насилия, которое впервые предстало для меня как масштабное зло. Юная индианка, еще ребенком выданная замуж, стерилизованная тибетская женщина, заключенная в тюрьму афганка, домохозяйка из Массачусетса, искалеченная мужем – всех их, как и других жертв домашнего насилия, объединяет одно – отсутствие поддержки. Камбоджийскую проститутку привели на грань жизни и смерти те же силы, которые ежегодно губят тысячи женщин, детей и мужчин (но в основном первых и вторых) в США и во всем мире. В среднем по планете от рук сексуального партнера или члена семьи ежедневно гибнет 137 женщин². В эту цифру не включены дети и мужчины.

В тот день всё во мне внезапно всколыхнулось. Передо мной предстали лица тех женщин разных стран, о которых я писала десятилетиями, и я вдруг осознала, как редко вглядывалась в то, что происходило в моей родной стране, как не замечала ее проблем и их значимости. От меня ускользала их связь с другими судьбами и лицами. Повсеместность домашнего насилия, не знающего географических, культурных, языковых границ. Быть может, эта вереница судеб прошла передо мной, чтобы однажды я смогла встретиться с Полом Монсоном и увидеть горы из окна его гостиной.

² <https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2018/November/home-the-most-dangerous-place-for-women-with-majority-of-female-homicide-victims-worldwide-killed-by-partners-or-family-unodc-studysays.html>.

Я последовала за Сюзанн на фермерский рынок, в гастроном, в винный магазин, где она делала покупки к путешествию. Помогла донести лед, персики, мясо для гамбургеров. Задавала ей вопрос за вопросом, пока она вела машину, порой в разговор вступала и ее мать, сидевшая рядом. *Как это работает? Много ли удалось предотвратить? Что еще можно предвидеть?* Самым разным вопросам не было конца. Как многие дилетанты, едва знакомые с проблемой, я была в плену типичных предрассудков: если всё так плохо, жертва просто бежит. Охранный ордер решает проблему (а если жертва не обновляет его, значит, и проблемы больше нет). Обратиться в убежище – вполне адекватная реакция жертв и их детей. Домашнее насилие – это частное дело, оно никак не связано с другими формами насилия, самая заметная из которых – массовые расстрелы. Раз нет видимых повреждений – нет поводов для тревоги. И, пожалуй, самое главное – если мишень удара не ты сам, то насилие не имеет к тебе отношения.

В следующие несколько лет Сюзанн Дубус и ее коллега Келли Данн терпеливо посвящали меня в историю проблемы, которая и сегодня зачастую остается неведомой большинству, заставляя меня осознать весь ее масштаб. Я поняла, почему прежние подходы не работали, и узнала, что будет эффективным сегодня. В период с 2000 до 2006 годы было убито 3200 американских военных; за тот же период домашнее насилие в США унесло жизни 10600 граждан (эта цифра, скорее всего, занижена, так как взята из Дополнительных отчетов по убийствам из фондов ФБР, сведения для которых полицейские участки предоставляют добровольно). *Ежеминутно* двадцать американцев подвергаются нападкам со стороны своих партнеров. Кофи Аннан, бывший секретарь ООН, назвал насилие, направленное на женщин и девушек, «самым постыдным нарушением прав человека»³, а Всемирная организация здравоохранения назвала его «глобальной проблемой здравоохранения эпидемических масштабов». Исследование, инициированное Управлением ООН по наркотикам и преступности, показало, что только в 2017 году порядка пятидесяти тысяч женщин в мире было убито партнерами или членами семьи⁴. *Пятьдесят тысяч женщин*. В отчете ЮНОДК дом назван «самым опасным местом для женщин»⁵. Несмотря на растущее число данных о мужчинах – жертвах домашнего насилия, подавляющее большинство жертв – 85 % – это женщины и девочки. На каждую погибшую в результате домашнего насилия женщину в США приходится девять, едва избежавших смерти. Рассказ о программе Сюзанн Дубус и Келли Данн, направленной на прогнозирование домашнего насилия, стал моим первым очерком в *New Yorker* в 2013 году.

Он стал отправной точкой этой книги, когда я поняла, что еще так много нужно сказать. После нескольких лет журналистской работы по этой теме я начала осознавать саму возможность противостояния домашнему насилию – главное обратить на него внимание. Следующие восемь лет научили меня многому; так, я поняла, что домашнее насилие тесно соседствует с другими проблемами нашего общества, такими как образование, экономика, душевное и физическое здоровье, преступность, гендерное и расовое равенство, и тому подобными. Поборники тюремной реформы вновь и вновь сталкиваются лоб в лоб с домашним насилием: преступники лишь ненадолго попадают в тюрьму, причем исправительная работа с ними практически не ведется, а затем эти люди опять оказываются в обществе, и всё возвращается на круги своя. Частные случаи насилия имеют общественные последствия колоссального масштаба. Встречаясь с людьми в Калифорнии, Мэриленде, Огайо, Нью-Йорке, Массачусетсе, Орегоне и других штатах, я поняла, как тяжело им выжить в этой частной войне, и осознала цену этой войны для каждого лично и для всех нас как нации: это разбитые общины, разрушенные семьи, сломанные судьбы. Исковерканные жизни, утраченные возможности. Гигантское финансовое бремя на

³ <https://www.un.org/press/en/1999/19990308.sgsm.6919.html>.

⁴ <https://www.bbc.com/news/world-46292919>. See also: <https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2018/November/home-the-most-dangerous-place-for-women-with-majority-of-female-homicide-victims-worldwide-killed-by-partners-or-family-unodc-study-says.html>

⁵ Там же. UNODC.

плечах жертв, налогоплательщиков, системы уголовного правосудия. Расходы на здравоохранение, связанные с домашним насилием, ежегодно обходятся налогоплательщикам более чем в 8 миллиардов долларов, а жертвы теряют более восьми миллионов⁶ рабочих дней в год. Более половины бездомных женщин в нашей стране оказываются без крыши над головой именно из-за домашнего насилия; оно занимает третье место среди причин утраты дома. Подавляющее большинство мужчин-заключенных впервые испытали на себе домашнее насилие или стали его свидетелями в детстве в собственной семье; дети, выросшие в таких семьях, находятся в группе повышенного риска нарушений развития⁷. А массовые расстрелы, всё более многочисленные с каждым годом? Большинство из них также попадают в категорию домашнего насилия. В апреле 2017 года адвокатская группа «Безопасность в каждом городе»⁸ опубликовала отчет, согласно которому 54 % массовых расстрелов в США в наши дни были связаны с домашним насилием⁹. Эта статистика публиковалась во всех СМИ. Связь между массовыми расстрелами и домашним насилием стала темой новостных статей и авторских колонок по всей стране, но с некоторым изменением. Вместо «связаны» СМИ использовали слово «предсказывает»¹⁰. Например, «домашнее насилие предсказывает массовые расстрелы более чем в половине случаев». Когда репортер PolitiFact поставил под вопрос статистику, приведенную адвокатской группой¹¹, представив гораздо меньшую цифру, полученную в ходе исследования Джона Алана Фокса¹², профессора Северо-восточного университета, самое важное оказалось запрятано в середине статьи в цитате Фокса: «Можно с уверенностью говорить, что порядка половины массовых расстрелов являются крайними проявлениями домашнего насилия».

Иными словами, речь не идет о том, что домашнее насилие *предсказывает* расстрелы. Оказывается, массовые расстрелы более чем в половине случаев и есть домашнее насилие. Достаточно вспомнить, например, об Адаме Ланца из Ньютона, Коннектикут, начал смертельный марафон со своей матери, а дальше двинулся в начальную школу Сэнди Хук. Девин Патрик Келли приковал свою жену к кровати наручниками и привязал веревкой, а потом отправился на машине в Первую баптистскую церковь в Сазерленд Спрингс, Техас. Можно заглянуть и в более далекое прошлое – когда случился первый, по мнению многих, массовый расстрел в США – в августе 1966 года Чарльз Уитмен открыл огонь по студентам в Университете Техаса в Остине, в результате погибло шестнадцать человек. Многие забыли, что этот приступ ярости начался предыдущей ночью, когда жертвами стали его мать и жена. В 46 % массовых расстрелов фигурирует домашнее насилие. Оно присутствует фоном в личных историях многих стрелков. Омар Матин, убивший 49 человек в ночном клубе «Орландо Палс» в июне 2016 года, задушил первую жену; такое преступление признается правонарушением в штате Флорида, где он жил, и по федеральному закону ему полагалось тюремное заключение сроком на десять лет. Но ему так и не было предъявлено обвинение. Вспомним и три наводящие ужас недели в октябре 2002 года, когда снайпер по имени Джон Аллен Мухаммед держал в осаде Вирджинию, штат Мэриленд, и Вашингтон, округ Колумбия, расстреливая людей, как казалось, наугад. Начальные школы не работали в эти недели, хозяева заправок запасались брезентом, чтобы защитить клиентов. В действительности, на совести Мухаммеда была долгая череда

⁶ <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ipv01.pdf>.

⁷ Переписка по электронной почте с Жаклин Кэмпбелл.

⁸ «Восемь миллионов рабочих дней...» <https://ncadv.org/statistics>.

⁹ Sun, Jing et al., Mothers' Adverse Childhood Experiences and Their Young Children's Development // American Journal of Preventive Medicine. 2017. 53. № 6. P. 882–891

¹⁰ <https://everytown.org/press/women-and-children-in-the-crosshairs-new-analysis-of-mass-shootings-in-america-reveals-54-percent-involved-domestic-violence-and-25-percent-of-fatalities-were-children>.

¹¹ <https://www.politifact.com/texas/statements/2017/dec/02/eddie-rodriguez/domestic-violence-not-confirmed-precursor-mass-sho>.

¹² <https://www.cbsnews.com/news/sutherland-springs-texas-church-gunman-devin-kelley-wife-speaks-out>.

издевательств над женой Милдред, с которой он уже не жил совместно. Его нападения были прикрытием. Он сообщил полиции, что, наугад стреляя в случайных людей, надеялся скрыть свой истинный план – убить Милдред. Но случилось ли бы всё это, если бы мы вовремя обеспечили внимание и поддержку юному Диланну Руфу, который годами видел зверства своего отца в отношении мачехи?¹³ Быть может, это спасло бы жизни девяти прихожан Епископальной церкви методистов Эмануэль в Чарльстоне, штат Южная Каролина, в июне 2015 года?

Увы, все эти трагические случаи – лишь то немногое, что удерживается в памяти людей. Подобных драм намного больше. В США под массовым расстрелом понимают убийство четырех или более людей, а значит, подавляющее большинство массовых расстрелов освещается только в местных или региональных новостях, а порой и вообще не получает огласки. Так, через пару дней исчезает память о тысячах ежедневно убиваемых женщин, мужчин и детей. Эти случаи и множество им подобных не оставляют сомнений в том, что домашнее насилие – не просто частная проблема, а вопрос общественного благополучия, требующий безотлагательного решения.

Осмысление этих событий привело меня к помятой двери Пола Монсона весной 2015 года. К тому времени я уже несколько лет была знакома со многими членами его семьи и слышала историю Роки и Мишель от ее матери и сестер. Пол был не в состоянии говорить об убийствах. Я видела, что его боль поглотила его без остатка, а чувство вины не дает дышать. Домашнее насилие – нелегкая тема для разговора. И, как я узнала, занимаясь этим делом, о нем трудно писать журналистское расследование. Его груз непомерен, но при этом история покрыта тайной. Репортер может находиться в зоне военных действий и описывать свои наблюдения. Можно приехать туда, где царят голод, болезни, и написать о бедствиях в режиме реального времени. Можно отправиться в клинику ВИЧ / СПИД, онкологический центр, лагерь беженцев или приют, и написать о страданиях их обитателей. Можно подойти к этим проблемам общества, экологии, социального благополучия и геополитики изнутри, и рассказать о них в режиме реального времени, наблюдая их прямо перед собой. Даже если пишешь о проблемах послевоенного времени, как мне нередко случалось в Камбодже, то осознаешь, что твои собеседники в безопасности, просто потому что война, природная катастрофа или иная трагедия, приведшая тебя туда, уже позади. В случае домашнего насилия самое сложное – это писать о ситуации, непредсказуемой настолько, что всё написанное может поставить под угрозу безопасность тех, о ком пишешь, а они и так находятся в зоне повышенного риска. И всё же по канонам журналистской этики каждый имеет право высказаться о происходящем – будь то жертва или преступник. Для меня это вылилось в несколько эпизодов, когда я провела месяцы, порой годы, беседуя с жертвами, а результат был нулевым, ибо даже попросить о беседе с оскорбителем значило поставить под угрозу безопасность жертвы. Например, я больше года беседовала с одной женщиной, а дальше ей пришлось отказаться от наших встреч – просто чтобы защитить себя. Многие годы она провела с мучителем, который раздетой привязывал ее к трубам отопления, или накидывал ей на голову одеяло, обмотав шею изолентой. История ее мучений и долгожданного освобождения – одна из самых ужасающих в моей практике. Даже сейчас, в этих строках я многое опускаю, сохранив лишь упоминание о трубах отопления и одеяле, поскольку они фигурируют во многих других историях и не указывают именно на нее.

В случае домашнего насилия для жертв часто всё не заканчивается раз и навсегда. Женщины, которым удалось вырваться от своих мучителей, зачастую проводят всю жизнь, обсуждая с ними возможность опеки над детьми. И даже если дело не касается детей, многие жертвы

¹³ <https://www.thestate.com/news/local/article25681333.html>. See also: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3131858/Charleston-killer-Dylann-Roof-grew-fractured-home-violent-father-beat-stepmother-hired-private-detective-follow-split-claims-court-papers.html>.

вынуждены быть начеку еще долго после ухода от мучителя, особенно если результатом издевательств стало тюремное заключение. Если у них появляется новый партнер, они оба оказываются под угрозой. Одна из женщин, с которыми я беседовала, назвала это состояние «держать голову на шарнире», по крайней мере, пока дети растут. Визиты и встречи с детьми известны как потенциально опасные события даже для тех жертв, которым удалось выйти из ситуации. Я знаю историю женщины, лицо которой было разбито о каменную стену во время опекунского визита, причем дети видели эту сцену из машины. На тот момент она уже много лет была в разводе. Вчера (12 сентября 2018 года), когда я писала эти строки, в Бейкерсфилде, штат Калифорния, было застрелено 6 человек, включая бывшую жену стрелявшего и ее нового друга. Поиск в Google по ключевым словам «отдельно живущий супруг» и «убил» дают более пятнадцати миллионов результатов. Избежать жестокого отношения один раз не значит навсегда оказаться в безопасности. Это подтолкнуло меня к необходимости удерживать хрупкое равновесие между канонами журналистской этики и безопасностью тех, кто решился на беседу со мной. По возможности я разговаривала со многими людьми касательно одного и того же случая, но иногда поиск агрессора может привести к риску для жертвы. Имена некоторых из моих собеседников изменены, а информация о личности не упомянута для сохранения их безопасности и тайны частной жизни. В иных случаях кого-то из участников или свидетелей событий уже не было в живых. Мой подход состоял в редактировании, а не изменении информации, за исключением имен. Каждое изменение указано в тексте.

Домашнее насилие не похоже ни на какое другое преступление. Оно происходит не из-за того, что кто-то оказывается не в том месте и не в то время. Считается, что наши дом и семья священны, «тихая гавань посреди безжалостного океана», как настойчиво вбивала нам в голову преподавательница социологии в колледже (именно на ее занятии я впервые услышала эту фразу). Вот это и делает ее столь неубедительной. Ведь домашнее насилие совершает тот, кого ты хорошо знаешь, тот, кто заверяет тебя в своей любви. Оно может быть скрыто от самых близких, и часто физическое насилие не столь страшно, как эмоциональное. Не счесть тех, кто клялся в любви к своим жертвам, издевательства над которыми привели их за решетку. Сама мысль о том, что кто-то настолько захвачен любовью, что оказывается совершенно бессильным перед ней, это сильный афродизиак. Хотя интеллектуальное усилие, необходимое, чтобы заставить человека понять, что его любовь и его насилие имеют единую природу, безусловно, лицемерно. Я поняла, что нарциссизм – частое явление у насильников. Нередки и другие факторы, из-за которых лицемерие становится условием выживания: зависимость, нищета, другие причины для отчаяния – всё это может быть губительным в сочетании с токсичной маскулинностью особого рода.

Согласно представлениям, укорененным в нашей культуре, у ребенка должен быть отец, несмотря ни на что, отношения являются непререкаемой ценностью, семья – ячейка общества; личные вопросы лучше решать без огласки, нельзя отказываться от брака и растить ребенка в одиночку. Мишель Монсон Мозур вновь и вновь повторяла эти истины, уверяя свою мать, что не желает растить детей в «разрушенном доме». Как будто дом, где один взрослый издевается над другим, не разрушен, а у разлома есть степени.

Эти идеи коварны и устойчивы. Они становятся очевидными, когда наши политики обсуждают повторное введение Акта против насилия над женщинами, при этом утверждая его копеечное финансирование из федерального бюджета. В настоящее время ассигнование на этот Акт не превышает 489 миллионов долларов¹⁴. Для сравнения: годовой бюджет Департамента Юстиции, в юрисдикции которого находится Отдел по вопросам насилия над женщинами, сей-

¹⁴ Сюда не включен бюджет для компенсации жертвам. <https://www.justice.gov/jmd/page/file/968291/download>

час составляет 28 миллиардов долларов¹⁵. Или взглянем на это иначе: самый богатый человек в мире, Джефф Безос, состояние которого оценивается в 150 миллиардов долларов, мог бы поддерживать финансирование Акта против насилия над женщинами на текущем уровне еще триста лет, и при этом ему удалось бы выкроить пару сотен миллионов на то, чтобы обеспечить себе скромное существование¹⁶.

Но есть и другие способы заставить жертв остаться жертвами. Например, когда наша судебная система вынуждает их защищаться, предлагая лицом к лицу встретиться с тем, кто, возможно, пытался их убить, с тем, кто, как им прекрасно известно, в следующий раз действительно может в этом преуспеть. Мы видим это по судебным постановлениям, которые выносят жестоким преступникам символические приговоры, например, штрафы. Несколько дней в заключении как наказание за грубейшие издевательства. Мы понимаем, почему органы правопорядка представляют домашнее насилие как досадное недоразумение, «бытовую ссору», а не преступление, каковым оно является на самом деле. Уверена, что, будь все наоборот, если бы женщины избивали и убивали мужчин в таких огромных количествах – *пятьдесят* женщин в месяц в США гибнут от рук своих партнеров, причем только от огнестрельных ранений, – эта проблема была бы на первых страницах всех газет страны. Немедленно бы нашлось финансирование на исследования, посвященные тому, что же с женщинами не так.

И после всего этого нам хватает дерзости спрашивать, почему жертвы не уходят от своих мучителей. В действительности многие жертвы, подобные Мишель Монсон Мозур и ее детям, втайне активно пытаются уйти, шаг за шагом, с предельной осторожностью делая всё возможное, чтобы достичь цели. Во многих случаях, включая и этот, мы судим поверхностно, считая, что остаться с обидчиком – выбор женщины, хотя в действительности мы просто не знаем, как выглядит жертва, которая уходит медленно, осторожно просчитывая каждый шаг. Это неудивительно, если учесть, что большую часть истории человечества домашнее насилие не считалось злом. Еврейская, исламская, христианская и католическая религии традиционно считали, что муж вправе воспитывать жену, как и всех, кто ему принадлежит, включая слуг, рабов и животных. Конечно, всё это проистекает из трактовки священных писаний – Корана, Библии, Талмуда¹⁷. Некоторые из этих трактовок даже содержат инструкции, как именно бить жену: например, избегать прямых ударов в лицо, или же бить так, чтобы не наносить серьезные травмы. В девятом веке Гаон из Суры утверждал, что насилие со стороны мужа менее травматично, чем со стороны незнакомца, поскольку по закону жена находится в подчинении мужа¹⁸. В США у пуритан существовали законы, запрещающие избиение жены, хотя по большей части они были символическими, и следовали им крайне редко. Напротив, избитые жены считались виновницами происшедшего, так как спровоцировали мужей, это убеждение стойко присутствует во всех письменных свидетельствах домашнего насилия, по сути во всем, что написано об этом до 1960–70-х годов. В тех редких случаях, когда дело доходило до суда, судьи принимали сторону мужчин, если ущерб, нанесенный женщинам, не повлек за собой полную потерю трудоспособности¹⁹.

Лишь в прошлом столетии в США были созданы законы против избиения жен, но даже те штаты, которые первыми стали вносить их в законодательство в конце девятнадцатого века, – Алабама, Мэриленд, Орегон, Делавер и Массачусетс, – редко обеспечивали их исполнение²⁰.

¹⁵ <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/02/budget-fy-2019.pdf>.

¹⁶ <https://money.cnn.com/2018/07/16/technology/amazon-stock-prime-day-jeff-bezos-net-worth/index.html>.
MymadmathskillrequiredthatIcallmydaughter'sfif thgrademathteachertoverifythispercentage. Thankyou, Ms.Allinson!

¹⁷ <https://jwa.org/encyclopedia/article/wifebeating-in-jewish-tradition>.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Pleck E. Domestic tyranny: The making of social policy against family violence from colonial times to the present. Illinois, 2004.

²⁰ History of Domestic Violence: A Timeline of the Battered Women's Movement. Minnesota Center Against Violence and Abuse; Safety Network: California's Domestic Violence Resource. Sept. 1998 (copyright 1999). See also: Mantel B. Domestic Violence: Are

Американское Общество против жестокости в отношении животных появилось на несколько десятилетий раньше, чем законы против жестокости в отношении жен; это позволяет предположить, что животных мы ставим гораздо выше, чем жен (в 1990-е годы количество приютов для животных втрое превышало число приютов для жертв домашнего насилия)²¹. Сейчас, осенью 2018 года, когда я пишу эти строки, в мире существует больше десятка стран, где насилие против супруга или члена семьи абсолютно законно, то есть конкретных законов, направленных против домашнего насилия, там просто не существует. Среди этих государств – Египет, Гаити, Латвия, Узбекистан, Конго и другие²². Есть еще Россия, где в 2017 году домашнее насилие, не приведшее к телесным повреждениям, было выведено из списка правонарушений²³. И, конечно, Соединенные Штаты, где первый генеральный прокурор при Администрации Трампа не считал домашнее насилие поводом для предоставления убежища, поскольку «иностранный гражданин», попавшему в такую ситуацию, просто «не повезло»²⁴. Иными словами, если в наши дни вам «повезет», и правительство родной страны подвергнет вас преследованиям, то вы сможете ходатайствовать о предоставлении убежища, но как быть, если насилие происходит за закрытыми дверями? Ну что ж, значит вам не повезло, и вы остаетесь с этой проблемой наедине.

Многое из того, что стало юридическим прецедентом в отношении домашнего насилия в США, появилось совсем недавно. Только в 1984 году Конгресс наконец принял закон в пользу женщин и детей, ставших жертвами насилия; он получил название Акта о предотвращении и преодолении последствий семейного насилия и обеспечил финансирование убежищ и других ресурсов для жертв²⁵. Только в начале 90-х stalking стал классифицироваться как преступление, но и по сей день его часто не рассматривают как угрозу, каковой он является; причем угрозу в нем не видят ни правоохранительные органы, ни агрессоры, ни даже сами жертвы, несмотря на то, что три четверти женщин, убитых в Америке, подвергались stalking их же партнерами, бывшими или настоящими²⁶. Почти 90 % погибших в результате домашнего насилия в течение года до смерти подвергались преследованию и избиениям²⁷. Общенациональная горячая линия для жертв домашнего насилия появилась только в 1996 году²⁸.

Сьюзанн Дубус рассказала мне, что в стране существовало три течения, благодаря которым наше отношение к домашнему насилию радикально трансформировалось. Одно из них появилось вместе с ее программой в 2003 году – организация Команд Высокого Риска в агентствах против домашнего насилия, которые ставят целью количественную оценку опасности любой конкретной ситуации домашнего насилия и обеспечивают защиту жертвам. Еще одно направление – открытие в 2002 году первого центра семейного правосудия; его основателем в Сан-Диего стал Кейси Гвинн, бывший адвокат, такие центры объединяют услуги для жертв под одной крышей: полиция, адвокаты, компенсации жертвам, психологическая помощь, образование и множество других (в Сан-Диего движение объединяло пять разных агентств. В других

Federal Programs Helping to Curb Abuse? CQ Researcher. 2013. 23. № 41. P. 981 –1004. Researcher 23, no. 41 (November 15, 2013): 981– 1004. <http://library.cqpress.com/cqresearcher/cqresrr2013111503>. And: Pleck, Domestic Tyranny, 17, 21–22.

²¹ Davis J. “Domestic Abuse.” Criminal Justice Institute. White paper. https://www.cji.edu/site/assets/files/1921/domestic_abuse_report.pdf.

²² <https://www.theclever.com/15-countries-where-domestic-violence-is-legal>.

²³ <https://themoscowtimes.com/articles/nine-months-on-russian-women-grapple-with-new-domestic-violence-laws-59686>.

²⁴ <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1070866/download>.

²⁵ <https://www.womenshealth.gov/relationships-and-safety/get-help/laws-violence-against-women>.

²⁶ <http://victimsofcrime.org/our-programs/stalking-resource-center/stalking-information>.

²⁷ <http://victimsofcrime.org/docs/src/analyzing-stalking-statute.pdf?sfvrsn=2>. В УК stalking традиционно рассматривался просто как “притеснение”, несмотря на то, что 120 000 женщин ежегодно заявляли о stalking, причем, по мнению экспертов, это лишь четверть реального числа жертв stalking. Но, в отличие от США, в 2012 году Британское правительство приняло закон, классифицирующий stalking как уголовное преступление, и к 2015 году число исков возросло на 50 %.

²⁸ <https://www.thehotline.org/about-the-hotline/history-domestic-violence-advocates>.

регионах количество партнеров разнилось). Третье течение – Программа оценки летальности, возникшая в Мэриленде в 2005 году по инициативе Дейва Сарджента, бывшего полицейского, сосредоточена на действиях правоохранительных органов в сфере домашнего насилия²⁹.

Возникновение этих трех программ примерно в одно время – не просто совпадение. Женское движение 1970–80-х годов привлекло внимание всей страны, только начавшей сживаться с идеей равноправия, к проблеме домашнего насилия. В тот период больше всего внимания уделялось созданию убежищ – их строительству, финансированию, укрытию жертв от преследователей. В 90-х всё изменилось. В беседе со мной юристы, адвокаты, полицейские, судьи со всех уголков Америки говорили о двух значимых событиях, лежавших в основе проблемы. Первым из них стало дело Симпсона.

Для многих Николь Браун Симпсон стала воплощением нового типа жертвы. Она была красива, богата и знаменита. Если с ней случилось такое, то это могло случиться с кем угодно. История насилия Симпсона над ней была известна правоохранительным органам. Он был арестован, затем выпущен под залог, далее суд Калифорнии предписал ему «консультирование по телефону» (после чего дело было закрыто). 911 аудиозаписей Николь представляли редчайшую ситуацию: женщина, преследуемая человеком, который уверяет ее в своей любви. Здесь было всё – угрозы, принуждение, террор. Ее убийство вывело на первый план многолетнюю дискуссию правозащитников о том, что такое могло произойти с кем и где угодно. Главной проблемой на тот момент стал вопрос: как помочь тем, кто не может сам обратиться за помощью? Но когда в местных газетах появились сообщения о Николь Браун Симпсон и Роне Голдмане, впервые в примечаниях стали упоминаться и места, куда можно обратиться за помощью. Внезапно беспрецедентное количество жертв насилия воспользовалось этой возможностью. Сразу после суда резко возросло число звонков на горячие линии, в убежища и в полицию³⁰. О домашнем насилии заговорили на национальном уровне.

Кроме того, дело Симпсона стало боевым кличем для жертв неевропеоидной расы, которые с полным правом задавали вопрос о том, почему привлечь внимание общественности к убийству в результате домашнего насилия стало возможным лишь когда его жертвой стала богатая красивая белая женщина. Ведь цветные женщины подвергались домашнему насилию ничуть не реже, а то и чаще, чем белые женщины; вдобавок они несли бремя расового неравенства. Сегодня эта сторона проблемы как никогда активно обсуждается в контексте последствий дела Симпсона сообществами коренных американцев, иммигрантов и малопривилегированных групп населения во многом благодаря второму крупному событию, изменившему наше отношение к домашнему насилию: принятию закона об искоренении насилия в отношении женщин.

Этот закон квалифицировал насилие по отношению к близкому партнеру в сферу полномочий правоохранительных органов, которые прежде рассматривали его как частное семейное дело, проблему женщин, а не системы уголовного правосудия. Он впервые был представлен Конгрессу сенатором Джоозефом Байденом в 1990 году, но законопроект приняли только осенью 1994 года, через несколько недель после завершения суда над Симпсоном. Так наконец, впервые в истории, города и населенные пункты страны смогли получить федеральное финансирование для решения проблемы домашнего насилия. На эти денежные средства были организованы целевые обучающие программы для служб экстренного реагирования, введены адвокатские ставки, созданы приюты, временное жилье, занятия по противостоянию агрессорам, предоставлена правовая подготовка. Финансирование, обеспеченное этим законом, позволило

²⁹ <https://lethalityassessmentprogramdotorg.files.wordpress.com/2016/09/development-of-the-lap1.pdf>.

³⁰ [http://library.cqpress.com/cqresearcher/document.php?id=cqresrrr_2013111503#NOTE\[21\]](http://library.cqpress.com/cqresearcher/document.php?id=cqresrrr_2013111503#NOTE[21]). Поскольку суд над О. Джеем прошел до того, как была создана Национальная Горячая линия по домашнему насилию (и, тем более, ее аналоги в сети), количественные данные не отслеживались на государственном уровне, а только на региональном: убежища и горячие линии сообщали о подобных обращениях.

жертвам насилия не оплачивать анализы по его подтверждению, а также, в случае выселения пострадавшей стороны с места жительства из-за связанных с насилием событий, она могла получить компенсацию и помощь; жертвы с инвалидностью, а также те, кому требуется правовая консультация, были обеспечены необходимой поддержкой. Эти и многие другие системы и услуги, которыми можно пользоваться сейчас, стали прямым итогом принятия Закона об искоренении насилия в отношении женщин. В то время сенатор Байден сообщил *Associated Press*, что «[домашнее насилие] является преступлением на почве ненависти. Моя цель – дать женщинам все возможности в пределах закона взыскивать компенсацию в рамках не только уголовного, но и гражданского права. Я хочу довести до сведения государства, что гражданское право женщин – право быть в безопасности – находится под угрозой»³¹.

Закон об искоренении насилия в отношении женщин необходимо продлевать каждые пять лет. В 2013 году продление было приостановлено, поскольку республиканцы выступили против правоприменения закона к партнерам одного пола, коренным американцам, проживающим в резервациях, и иммигрантам без документов, которые подверглись избиению и пытались подать документы на получение временной визы. После горячих дебатов в Палате общин и в сенате срок действия закона всё же был продлен. Вскоре встанет вопрос о следующем продлении. Американские правозащитники, с которыми я беседовала, остро чувствуют шаткость своей позиции и финансирования, когда глава государства демонстрирует неприкрытую враждебность и сексизм в отношении женщин; более того, около десяти женщин предъявили ему обвинение в приставаниях и посягательствах сексуального характера, а первая жена – в сексуальном насилии (позднее она уточнила, что имела в виду не уголовное преступление, а факт принуждения)³². Роб Портер – начальник секретариата Трампа и известный агрессор, продолжал работать в Белом доме, пока средства массовой информации и внешнее давление – но не нравственные побуждения – не заставили президента отправить его в отставку. Мы и правда живем в мире, где право владеть оружием намного весомее права на жизнь. По словам Кит Груелл, пережившей насилие и ставшей активистом движения против него, «последствия слов и действий [Трампа] имеют принципиальное значение для женщин. Мы с ужасающей скоростью несемся вспять».

Не так давно я завтракала с женщиной по имени Линн Розенталь. Она первой заняла должность координатора по связям между Белым домом и агентством против насилия в отношении женщин, должность, которая была введена администрацией Обамы и остается вакантной в течение двух лет правления Трампа. Я спросила ее: если бы не стояла проблема финансирования, и она могла бы делать всё, что считает нужным, имея все необходимые ресурсы, как бы она разрешила проблему домашнего насилия? Она ответила, что создала бы сообщество единомышленников для изучения того, что действительно работает, и вложила бы *во всё*. «Можно рассматривать лишь маленькую часть системы и считать, что в ней таится чудодейственное средство. Так люди и стремятся поступать. Если бы мы могли направить усилия в одну сторону, то в какую? Суть в том, что одного направления нет». В этом-то всё и дело: домашнее насилие влияет практически на каждый аспект современной жизни. Но при этом наш всеобщий отказ признать его публично выдает поразительное непонимание его повсеместного присутствия.

Цель книги «Без видимых повреждений» в том, чтобы показать, как домашнее насилие выглядит изнутри. Каждая из трех частей книги посвящена одному глобальному аспекту. В первой части обсуждается самый трудный вопрос: почему жертвы не уходят (Кит Груелл

³¹ http://articles.latimes.com/1992-10-03/news/mn-266_1_domestic-violence.

³² <https://www.cnn.com/2018/02/09/politics/rob-porter-trump-response/index.html> and <https://www.nytimes.com/2018/02/08/opinion/trump-porter-abuse-women.html>.

однажды сказала мне: после ограбления банка мы не говорим управляющему: «Нужно перенести банк в другое место»). Жизнь и смерть Мишель Монсон Мозур показывают нам, что мы не осознаем то, что видим, что вопрос «остаться или уйти» не охватывает бессчетные мощнейшие факторы, на которых строятся насильственные отношения.

Вторая часть, возможно, самая сложная для изложения, посвящена глубинному анализу насилия с учетом отношения к нему самих агрессоров. Слишком часто мы игнорировали их взгляды, беседуя исключительно с жертвами, правозащитниками и полицией. В нынешней атмосфере токсичной маскулинности меня волнует вопрос о том, что собой представляет мужчина-агрессор, как он видит себя в обществе и в собственной семье. За годы работы над книгой я вновь и вновь задавалась вопросом, можно ли отучить агрессора быть агрессором. Ответы распадались на три категории: полиция и правозащитники утверждали, что это невозможно, жертвы надеялись на положительный исход, а сами агрессоры утверждали, что это возможно. Этот последний ответ представлялся мне не теорией, а скорее выражением их желания. Самое распространенное в мире утверждение о домашнем насилии – «оскорбленные оскорбляют».

Как оскорбленному человеку вступить в схватку с болью наедине с собой, не отыгрываясь на близких?

В третьей главе я выступаю в поддержку активистов – тех, кто находится на передовой борьбы с домашним насилием и убийствами на его почве, – таких, как Сьюзанн Дубус, Келли Данн и другие. Я говорю о реальных возможных действиях и о людях, которые их предпринимают. Здесь я подробно рассматриваю инициативы по правозащитной деятельности, юридическим и правозащитным мерам, выясняя, как их воспринимает неподготовленный человек.

В книге я обычно называю жертв «она», а правонарушителей – «он». Я не отрицаю того, что мужчины могут быть жертвами, а женщины – правонарушителями, и знаю как об относительной нехватке ресурсов для однополых партнеров, так и о мрачной статистике по домашнему насилию в ЛГБТК-среде. Я рассуждаю в двух направлениях: во-первых, по всем показателям большинство агрессоров всё же мужчины, как и большинство жертв – женщины. Я использую местоимения она/он/они для единообразия изложения. Следует принять во внимание, что когда я пишу «она», имея в виду жертву, или «он», подразумевая агрессора, я осознаю, что любой человек, независимо от пола, может оказаться в одной из этих ролей.

По аналогии с уже сказанным, несмотря на то что стало принято называть жертв домашнего насилия «выжившими», а в некоторых ситуациях – «клиентами», чаще всего я отказываюсь от этих терминов, если не знаю наверняка, что они действительно *выжили*, то есть смогли выйти из деструктивных отношений и построить новую жизнь для себя и своих семей. Многих собеседников я называю их полными именами или по фамилии, а тех, кто поделился своими историями подробно, то есть в терминах документального жанра, стал «персонажем» – просто по именам.

Наконец, термин «домашнее насилие» долго был предметом разногласий между выжившими и правозащитниками. Присвоение насилию определения «домашнее» несколько смягчает значимость, как бы заставляя думать, что угрозы со стороны члена семьи заслуживают меньше внимания, чем подобные действия со стороны чужого человека. В кругах правозащитников в наше время появился термин «насилие со стороны интимного партнера» или «терроризм интимного партнера». Но и с этим термином есть проблемы, поскольку он как минимум не включает насилие со стороны кого-то, кто партнером не является. Аналогичные ограничения и у термина «супружеское оскорбление». В последнее десятилетие приобрел популярность также термин «частное насилие». И все-таки все эти определения эвфемистичны в том смысле, что они не охватывают всей совокупности факторов: физических, эмоциональных и психологических, которые столь значимы в таких взаимоотношениях. Много лет я пыталась найти наилучший термин, и пока не смогла, хотя мне кажется, что понятие «терроризм» наиболее точно описывает взгляд на такие отношения изнутри. И тем не менее поскольку существует

коллективное понимание термина, как правило, в книге я использую именно понятия «домашнее насилие» или «частное насилие», если только не цитирую чьи-то слова или если очевидна контекстуальная избыточность, в этих случаях я применяю описанные выше термины.

А теперь вернемся в дом Пола Монсона, в тот предвечерний час. Наша беседа о машинах наконец исчерпала себя, и мы заговорили о том, чего он избегал, о самой сути его неизбывного горя: о дочери и внуках, которых не стало.

Часть I. Конец

Маленькие безумцы

У Пола Монсона дом открытой планировки: гостиная, столовая, кухня. Он рассказывает: «Тут бегали мои внуки. Кристи и Кайл. Как только приезжали, сразу начинали носиться. Летели сломя голову через весь дом, как маленькие безумцы. Кристи и Кайл – дети Роки и Мишель».

Пол родом из Майнота в Северной Дакоте. В Монтану он приехал работать. Его отец умер уже давно. А отчима звали Джил. Сначала тот был фермером, потом – владельцем передвижного парка развлечений. Пол говорит, что отчим «за доллар бы удавился». Мишель обожала дедушку с бабушкой.

«Часто люди думают, что девочкам нравятся парни, похожие на их отцов, – говорит Пол, – но Роки был совсем не таким, как я».

Может быть, Мишель привлекала энергия Роки. Или, может, дело было в том, что, когда они познакомились, она была подростком, а Роки, который выглядел гораздо младше своих двадцати четырех, имел доступ к еще незнакомому ей миру взрослых. Собственное жилье, выпивка, никто ему не указ. Если бы Мишель не забеременела в четырнадцать и не родила Кристи в пятнадцать, если бы Роки не был *настолько* старше, их связь могла бы пойти по накатанной колее подростковых романов. Эмоции через край, непреодолимое влечение, и, наконец, полное угасание. А потом новая интрижка. «Думаю, он был уже взрослым, хотел остепениться, – говорит Пол, – обзавестись семьей и всё такое».

Пол рассказывает, что они с Мишель почти каждый день обедали вместе. Он работал поблизости и в свой перерыв заходил к дочери, а Роки вряд ли знал об этом. «Я приносил свой обед, и мы вместе смотрели шоу Спрингера по телевизору. Я с ней ладил лучше, чем с остальными дочерьми. Даже не знаю почему. И наша симпатия была взаимной».

И тут Пол тянется за стопкой скрепленных резинкой DVD с семейными видео. Говорит, что он заранее переписал их к моему приходу, для меня. Семейные видео. Роки снимал их год за годом и особенно любил записывать совместный отдых на природе, походы, в которые они ходили всей семьей практически каждые выходные. В основном на DVD записи будничной жизни Мишель, Кристи и Кайла, а не особые случаи вроде праздников и дней рождения. Пол говорит, что все их пересмотрел по многу раз. Он искал намеки, что-то, что указало бы на предстоящие события, но остался ни с чем. Типичная семья. Трехлетняя Кристи на диване смотрит мультики. Кайл на берегу ручья с детской удочкой в руке пытается поймать рыбу. Несколько записей со спящей на кровати Мишель: Роки будит ее, окликая по имени. Ничего подозрительного, говорит Пол. Я решила посмотреть эти видео только через несколько лет после нашей встречи.

Бывшая жена Пола Салли Сжаастад знала о Роки не больше, чем Пол, несмотря на все те годы, что они прожили бок о бок. Дочери Салли и Пола Алисса и Мишель переехали к Полу, когда им было пятнадцать и четырнадцать. Пара развелась задолго до этого – когда Мишель было восемь – и в основном девочки жили с Салли. Но в подростковом возрасте они поняли, что у отца их ждет свобода, которой никогда не допустила бы мать.

Иногда Салли звонила Полу, а он даже понятия не имел, где девочки, или мог сказать, что они в таком-то доме, но когда Салли туда приезжала, их не было на месте. Однажды Пол наобум дал ей адрес дома для мальчиков, которые выпускались из Пайн-Хиллз и проходили подготовку перед тем, как вернуться в общество. Подростки с зависимостями и поведенче-

скими отклонениями. Слишком юные для тюрьмы, но слишком опасные, и для самих себя, и для других, чтобы жить дома. Такие неблагополучные мальчики и населяли Пайн-Хиллз. Салли хорошо знала это место, потому что участвовала в программе профессиональной реабилитации от штата Монтана; она помогала людям с ограниченными возможностями, искала для них работу.

В тот вечер разъяренная Салли подъехала к этому дому в поисках Мишель, которой тогда было всего тринадцать или четырнадцать. Салли поговорила с каким-то мужчиной, и он подтвердил, что Мишель была здесь, но уехала с парнем по имени Коди. Салли взвилась. *«Моей дочери, – сказала она, – запрещено здесь появляться. Запрещено»*. Через три часа Мишель вернулась.

В другой раз Салли подъехала к дому Пола и заметила припаркованный зеленый хетчбэк. Эту машину она видела впервые. Салли постучала, но никто не ответил. Однако она уловила движение в доме и постучала громче. Ответа не последовало. Она ушла и вернулась чуть позже. Никакого эффекта. Тогда Салли прокричала через дверную щель, что если ответа не будет, она вызовет полицию. Это сработало. Мишель открыла. С ней был парень со спадающими каскадом спутанными волосами, в футболке и джинсах. Парень с такой мощной челюстью, что казалось, будто он всю жизнь только и делал, что стискивал зубы. А еще у него были пухлые губы и ямки от прыщей на щеках. Так Салли познакомилась с Роки. Он казался скромным и старательно избегал зрительного контакта. Салли велела ему уйти и не приходить, когда Пола нет дома. Роки пробормотал, что и так уже уходит.

Позже Салли сказала Полу, что этот парень слишком взрослый для Мишель. Она не знала, сколько ему лет, но любой парень, достаточно взрослый для того, чтобы иметь собственную машину, слишком взрослый для четырнадцатилетней Мишель. Салли думала, что они с Полом решили эту проблему. Думала, с Роки покончено. Она не могла и представить себе, что дочь ее не слушает; Салли все еще считала Мишель маленькой девочкой, которая без напоминаний выполняла работу по дому и никогда не прогуливала школу. Мишель всегда была послушной. И когда настало время взрослеть, – а это случилось гораздо раньше, чем всем им хотелось бы, – она повзрослела. Стала самостоятельной, словно по щелчку. Подростком ей побыть практически не довелось.

Ростом Роки был где-то метр семьдесят; жилистый, нервный, тревожный и энергичный. Впрочем, члены его семьи описывают Роки немного иначе: тихий и даже отрешенный, но скромный. Перед тем, как застрелиться, он взял диски, сложил их в сумку и убрал в гараж. Он хотел убедиться, что с ними всё будет в порядке. Со свидетельством, что они были счастливой американской семьей. Если бы всё произошло так, как он спланировал, то, возможно, сохранилась бы именно эта история. Великая американская трагедия. Он написал послание у себя на предплечьях. Его никто не должен был увидеть, и никто не помнит, что именно там было сказано. Что-то вроде «я заслужил гореть в аду».

Пол говорит, что вмятины на входной двери дома остались с тех пор, как Роки пытался выбить ее, чтобы добраться до Мишель. Но тогда никто не считал этот поступок жестоким и тем более опасным. Это тот род жестокости, который сложно зафиксировать, когда становишься его свидетелем, но в обратной перспективе всё становится абсолютно очевидно – именно так и выглядит домашнее насилие. Не только Пол не смог разглядеть последствий этого случая. Но представьте, что у входной двери дома Пола не Роки: какой-то мужчина колотит в дверь, пинает ее и орет на женщину внутри. Представьте, что это незнакомец. Разве тогда вы не вызвали бы полицию? Разве тогда вы бы не вмешались, чтобы дать отпор? Но когда речь заходит о людях, которых мы знаем, о людях, которых мы привыкли видеть в другой роли – об отцах, братьях, сыновьях, матерях, и т. д. – мы не понимаем, что становимся свидетелями насилия. Сейчас Пол говорит, что он бы вмешался, сделал бы что-нибудь. Сам свершил бы правосудие.

Так принято в Монтане, с ее либертарианской, индивидуалистической культурой. Он не доверяет системе. Не думает, что полиция сделала хоть что-то, чтобы спасти его дочь. Как, впрочем, и прокурор. «Я расскажу, как это делается в Монтане», – говорит Пол. Когда он запросил информацию о вскрытии тел, следователь ответил, что может предоставить данные только о кровных родственниках Пола. Мишель, Кристи, Кайле. Но не Роки. А запрос Гордона Мозура, отца Роки, удовлетворили без нареканий. И он получил результаты всех четырех вскрытий. «Считается, что всё принадлежит мужчине, – говорит Пол, – патриархат устанавливает правила». Пол качает головой. «Чем больше думаешь об этом, тем больше это бесит», – говорит он. Пол достает коричневую папку-гармошку и показывает те результаты вскрытия, которые ему удалось получить. В акте Кайла указано следующее: «Одежда на теле поступившего... мальчика пропитана кровью». Следователь написал, что незадолго до смерти умерший употреблял в пищу мармелад. В акте Кристи сказано, что у нее обнаружено огнестрельное ранение «со следами пороховых зерен». Ее сердце весило 180 граммов.

Я указываю на наградную доску на стене гостиной. На огромной белой стене она выглядит немного неуместно и одиноко. На доске выгравирована дата, когда Мишель окончила школу. Старшая школа Биллингс, выпуск 1997 года. К тому времени Мишель уже жила с Роки, и у нее было двое детей младше трех лет, но тем не менее она закончила школу в срок. Мишель родила Кайла через год после Кристи. Девушка перевелась в школу для, как сказал Пол, «детей, у которых уже были свои дети», примерно в шести кварталах от прежней школы. Каждую зиму, а в Монтане они суровые, Мишель толкала коляску с обоими детьми вверх по холму. «Я видел, как она это делала, и думаю, это многое о ней говорит». Именно этого момента Пол и боялся. Он склонил голову. Теперь наградная доска у него в руках. Он встал, снял ее со стены, и качает, словно ребенка. Одной рукой Пол с нежностью стирает с доски пыль. Его пальцы пробегают по металлической поверхности, а на глаза наворачиваются слезы. Он глубоко вдыхает, пытаясь совладать с собой. Именно поэтому родители погибших детей, особенно отцы, со мной не разговаривают. Они хотят избежать этого самого момента.

Салли Сжаастад не такая. За несколько лет я провела наедине с ней много часов. Салли хранит память о дочери, говоря о ней, пересказывая и вспоминая всё, что только может. Хранит все вещи Мишель и внуков: письма и рисунки, которые дети дарили по праздникам, записки от Мишель, когда она сама была ребенком, вырезки из местных газет с материалами об убийстве. Салли проезжает мимо школы, в которую ходили Кристи и Кайл, школы, на территории которой установлена мемориальная скамейка с их именами. Салли говорит, что, узнав об убийстве, состарилась за одну ночь, за четыре месяца набрала восемь килограмм, измучилась и как будто согнулась. На фотографии, сделанной еще при жизни ее дочери, я не узнала Салли даже после того, как она показала на себя пальцем. По моим наблюдениям, столкнувшись с непереносимой трагедией, женщины часто говорят не переставая, а мужчины, наоборот, молчат. Вокруг Салли – вихрь воспоминаний, похожий на огромное гнездо; Пол несет свои воспоминания в себе, словно камни.

Салли всегда казалось, что Мишель была слишком ответственной для своего возраста. Она стригла газон, мыла посуду, пылесосила ковер – и всё это по собственной инициативе. В год, когда Мишель с сестрами продавала сахарную вату и проверяла билеты в детском парке развлечений «Ландерс», она положила заработанные двадцать долларов в конверт с открыткой, на которой написала, что это для мамы, чтобы помочь ей с продуктами и другими расходами. Когда Салли открыла конверт, она разрыдалась.

«[Мишель] ничего не стоило бросить [школу]», – говорит Пол. Тихим, как будто надорванным голосом. Он вытирает глаза тыльной стороной ладони. «Я не обрадовался, когда Мишель забеременела, но я гордился тем, что она закончила школу. Она не сдалась».

Для женщин, подобных Мишель Монсон Мозур, характерно такое упорство. Решительность и стремление любым способом сохранить жизнь себе и детям. Эти женщины не бросают. Они терпят издевательства мужей, потому что понимают нечто, чего большинство не может взять в толк; изнанку, нечто, существующее вопреки логике: как бы опасно ни было дома, практически всегда уйти – гораздо опаснее. Многие из них планируют развод, как это делала Мишель. Они остаются. Они выжидают. Они охраняют детей. Они хладнокровно балансируют на передовой. Бдительные и терпеливые, всё время ищущие лазейку, чтобы ускользнуть, не пострадав. Столько, сколько это возможно.

Сестры не разлей вода

Впервые Мишель и Роки встретились в будний день после школы, в доме, где тусовалась компания подростков. У Алиссы была лучшая подруга Джессика, она-то и сошлась с Роки сначала. Вместе они пробыли пару недель, может быть месяц. Алисса даже не обратила внимания на этого незнакомца с пушистой копной волос. Уже позже, когда Мишель рассказала о своих чувствах к Роки, Алисса смогла его вспомнить, и то с трудом. Мускулистый, лицо в мелких оспинках. Волосы каскадом спадают на плечи. Девчонки считали его симпатичным. Смешным.

Алисса рассказала, что Мишель сразу же влюбилась в Роки. Он казался дружелюбным, надежным. Был старше Мишель на десять лет, и год провел в техасской тюрьме за незаконное хранение наркотиков, но это ее не заботило. Ведь он работал, жил отдельно. Мишель зацепило то, что его заинтересовался парень постарше. Значит, никакой родительской опеки. Значит, свобода.

Изначально именно желание быть свободнее подтолкнуло сестер переехать к отцу. Пол был неразговорчив, держал при себе свои мысли и чувства. Постоянно что-то просчитывал, прокручивал в голове, осмыслял. Частенько выпивал. Как и большинство мужчин. Особенно в Монтане, где термин «свой парень» так же распространен, как майские снежные бури, и им можно описать любого мужчину, от ковбоя и до адвоката, главное, чтобы он периодически закладывал за воротник, умел держать ружье и был не дурак порыбачить. Роки был «своим парнем». Большинство парней, с которыми тогда общались Алисса, Мишель и Мелани, были такими.

Роки и Мишель встретились в доме семейной пары, с ребенком которых сидела Джессика. Биллингс, как пласт горной породы, – всех объединяют родственные или дружеские связи. Все знают друг друга или друг о друге. В том доме был бильярдный стол и гараж, где иногда собирались подростки. Роки подъехал к дому, Мишель его увидела, и, наверное, это отозвалось бабочками у нее в животе, потому что они практически сразу же стали встречаться. Два-три дня – и всё, говорит Алисса. Они были без ума друг от друга уже к концу первой недели знакомства.

Когда Мишель рассказала матери, что беременна, Салли хотела подать на Роки в суд за половую связь с лицом, не достигшим совершеннолетия. Она и поверить не могла, что мужчина в его возрасте свяжется с девочкой вроде Мишель. Он вообще нормальный? Но Мишель кричала, что убежит с Роки и ребенком, если мать хотя бы одной ногой ступит в полицейский участок. Это потрясло Салли до глубины души. Неужели Мишель правда убежит? Навсегда? Как же она защитит дочь, если ее даже не сможет найти? Если она окажется где-то там, в большом мире, с новорожденным ребенком на руках, недостаточно взрослая даже для того, чтобы водить машину?

В конце концов Салли обратилась к психологу, и ей посоветовали выждать, принять ситуацию насколько это возможно, и постараться поддерживать Мишель. А Роки она надоест. Салли помнит, как психолог говорил: «Ему не понравится, что его девушка не может вместе с ним даже в бар сходить». К моменту убийства Мишель побывала в баре один раз за всю свою жизнь. Она ни разу не ездила в отпуск с подругой. Друзья никогда не приходили к ней в гости. Мишель не числилась в книжном клубе, не ходила на йогу или в клуб молодых матерей. Она не была частью чего-либо большего. Роки был ее миром.

Алисса думает, что, может быть, Роки так сильно зацепил Мишель потому, что когда они познакомились, Алисса и сама встречалась с парнем постарше. Алисса и Мишель были неразлучны. Всегда. Даже в ясельном возрасте. На семейных видео они всегда рядом. Сестры не раз-

лей вода. Смеются, устраивают кучу-малу перед полосатым диваном в гостиной. В день, когда Алисса научилась кататься на двухколесном велосипеде, Мишель сидела на траве и смотрела, как сестра, вихляя, едет по тротуару на розовом велосипеде с белой корзиной на руле. Алисса исчезает из кадра, а затем возвращается, и едет уже увереннее, с гордой улыбкой. Останавливается, теряет опору и падает, ударяясь задом о педаль. Салли подхватывает на руки кричащую дочь.

Следующий кадр: теперь поедет Мишель на своем серебристом двухколесном велосипеде с удлиненным красным седлом. Она скользит по тому же тротуару, а потом возвращается и, возвращаясь, машет рукой. Управляясь с велосипедом одной рукой – другая поднята высоко над головой – Мишель машет отцу и улыбается широкой, победоносной улыбкой-полумесяцем.

Все три сестры были очень близки. У младшей из них, Мелани, диагностировали СДВГ, и после развода ей было сложнее всего. Она кричала, пиналась, ее накрывали приступы ярости. Салли уделяла Мелани повышенное внимание, так что Мишель и Алисса были предоставлены сами себе. Они укладывали челки, красились помадой и тушью и слушали Aerosmith и AC/DC. Тогда Мишель запала на Стивена Тайлера. Сестры зависали в парке Пайонир или Норт-парке. Иногда гуляли к Римс – месту, где, окаймляя Биллингс, выходят на поверхность пласты песчаника, которым восемьдесят миллионов лет. В Римс стекались любители всех видов пешего туризма, собаководы и строптивые подростки. На рассвете и закате Римс излучает пылающую красоту, как красные скалы Седоны. С Римс открывается вид на долину Биллингс и за горизонт. Это воплощенные миллионы лет, бесстрастные волны уходящего времени.

Но с Римс связывают и другие явления. Почти каждый год там находят тело: кто-то совершает самоубийство, кто-то получает ранение или оказывается застрелен при попытке скрыться от полиции, кто-то падает с утеса Сакрифайс – известняковой скалы, которая выступает над рекой Йеллоустоун и в высшей точке над обрывом достигает ста пятидесяти метров. Легенда гласит, что двое воинов народа Кроу сбросились с этого обрыва, после того как вернулись в родное поселение и обнаружили, что оспа уничтожила всех их сородичей; в честь этого события назвали скалу Сакрифайс (Жертвенный утес)³³. Римс – самая известная достопримечательность Биллингса, место обитания сурков, чернохвостых оленей, соколов, летучих мышей, ястребов и нескольких видов змей, включая западного гремучника, ядовитого, с ромбовидным узором на спине. Однажды Роки принес такую змею в дом, где жил с Мишель и их общими детьми.

³³ Специалисты спорят об этой истории, полагая, что если самоубийство воинов Кроу и имело место, то случилось оно на другом берегу реки. http://billingsgazette.com/news/local/sacrifice-cliff-the-legend-and-the-rock/article_fc527e19-8e68-52fe-8ffc-d0ff1ecb3fea.html.

Что у него внутри

Роки был таким же неразговорчивым, как и Мишель. На тусовках и с новыми людьми. Он был неуравновешенным и строптивым, но природу обожал: рыбалка, походы. В этом он был похож на отца. А на деле, во всем: любовь к отдыху на открытом воздухе, неразговорчивость, даже его настоящее имя – Гордон – такое же, как у отца. Прозвище, в честь боксера Рокки Морчиано, Роки тоже получил от отца, когда был еще ребенком.

Роки был старшим из троих детей Гордона и его первой жены Линды. Они жили в городе Колумбус, штат Огайо. Младшего брата Роки звали Майк, а младшую сестру – Келли. Они ладили, но были не слишком близки. Дрались, проводили время вместе, игнорировали и защищали друг друга. Майк и Келли брали пример со старшего брата.

Гордон говорит, что в другое время, в другом веке он, вероятнее всего, никогда бы не женился на Линде. Он четыре года отслужил в ВВС, а вернувшись попал в самый разгар американской сексуальной революции. «Я думал, что умер и очутился в раю», – поделился со мной Гордон. Он сказал это с каменным лицом, не выражающим удовольствия или ностальгии. Гордон нашел девушку, она забеременела, и он забыл о сексуальной революции. Пришел в чувства, снова стал обязательным и благородным, и решил, что правильный поступок – жениться на девушке, которая ждет от тебя ребенка. «Ее родители говорили, что ребенку нужен отец. На это сейчас отвечают: ну так он и есть у ребенка, подумаешь! Но я взял ответственность на себя и женился». Не то чтобы Гордон не хотел детей. Он любил всех троих. Любил Роки, даже когда тот стал настоящим наказанием.

Когда Гордон и Линда развелись, она отдала ему полное право опеки над всеми тремя детьми. Вскоре после расставания с Линдой Гордон начал новые отношения с коллегой. Ее звали Сара (Линда не хотела говорить это на запись, но утверждала, что Гордон и Сара начали встречаться еще до развода). Так у Сары появилось трое детей. Она их вырастила.

Она их любила и, конечно, воспитывала. Сара рассказала мне, что как-то раз, когда они еще жили в Колумбусе, Роки и Майк поссорились в гостинной. По словам Сары, Роки упорно доводил Майку, пока тот не взорвался. «Майку за это прилетело, и я сказала Гордону: это не Майк виноват, а Роки» – рассказывает Сара. Майк был очень вздорным. Он кричал, но подстрекал его к этому Роки. «Из-за затей Роки остальные вечно влипали в истории», – говорит она.

Гордон и Сара поженились в Огайо и через два дня переехали с детьми в Монтану, где Гордон заранее нашел новую работу. Супруги не предупредили детей. И Линду не предупредили. Сейчас они думают, что стоило обсудить это с детьми, как-то смягчить ситуацию. Дать им время свыкнуться с предстоящим переездом, посмотреть дом заранее. «Пожалуй, это было не лучшим решением», – говорит Сара. По словам Линды, чтобы их найти, ей пришлось нанять частного детектива. Гордон говорит, что она нашла их практически сразу – его новый начальник приятельствовал с его прежними коллегами. Но письма и открытки от Линды приходили нерегулярно, и дети вновь встретились с матерью только через пять лет после переезда.

«Все эти мысли, что приходят в голову, потому что, ну вы знаете – “мужчины с Марса”, – но мне всегда казалось, что есть что-то такое, что я мог бы сделать, и это спасло бы моих внуков, – говорит Гордон, – я всё время возвращаюсь мыслями к разводу. Не может же быть так, что он не влияет на детей. Но ведь каждый год случается столько разводов, и в них вовлечены миллионы детей!»

Хотя у детей Гордона всегда были проблемы с учебой, после переезда Гордон и Сара поняли, что дети отстают гораздо сильнее, чем они предполагали, и наняли репетиторов; но несмотря на это, успеваемость детей не улучшилась. Все трое не закончили школу. Гордон утверждает, что Линда сажала их перед телевизором или таскала везде с собой: по магазинам,

и везде, куда она ходила. «Вместо того, чтобы учить их азбуке и всему остальному; так что у детей всего этого не было», – говорит Гордон. Конечно, в беседе со мной Линда вспоминала всё по-другому. Гордон признает, что он был из тех отцов, которые избегают конфликтов, а не разрешают их. Даже Сара говорит, что он никогда не выражает никаких эмоций, пока «по телевизору не покажут какую-нибудь политическую программу. И вот тогда у дома реально крышу сносит. Но если речь о нашей жизни, наших детях, ему все по барабану. Никакой реакции, – рассказывает Сара – отчасти, дело в эпохе, в которую он вырос».

«Я – мастер избегания», – говорит Гордон.

Практически сразу после переезда у Роки начались проблемы. В свои двенадцать он напивался до беспамятства и пристрастился к мелкому воровству. Воровал кассеты с записями любимых групп: Aerosmith, Black Sabbath. Как-то раз украл велосипед. Когда Сара находила бутылки из-под Mad Dog 20/20 в кустах за забором на заднем дворе, она знала, что их туда закинул Роки. Когда Майк вел себя агрессивно, Роки был пассивен. К седьмому классу Сара и Гордон знали, что ему нужна помощь.

Они отправили его в Пайн-Хиллз, дом для мальчиков с поведенческими отклонениями. Там он ходил к психологу. По словам Гордона, специалисты, врачи и учителя, сконцентрировали внимание на разводе. Как будто именно развод виной всему, что пошло не так: тому, что Роки пустился во все тяжкие, тому, что он напивался так, что, по словам Сары, у него вываливался язык и закатывались глаза. Но Гордон думал: *быть того не может! Когда мы развелись, скандалы закончились. Разве это плохо?* Как-то на сеансе семейной психотерапии врач спросил Роки, не грустит ли он из-за ухода матери, и мальчик сказал: «Нет. Стало лучше». Сара повернулась к нему и спросила, правда ли он так считает, а Роки ответил: «Да, когда она ушла, стало лучше, потому что мы начали больше времени проводить [с папой], а их ужасные ссоры прекратились».

Даже если дело в разводе и неожиданном переезде, если именно в них причина ситуации с Роки, как же излечить нанесенные ему раны? Терапия. Стационарное лечение. Разве не в этом заключалась миссия Пайн-Хиллз? Исправить их сына? Какая разница, в чем источник его боли и злости? Что заставило его напиваться до потери сознания в тринадцать, четырнадцать лет? Заставило его красть всё, что попадалось под руку? Соглашаться с оговоренными правилами о комендантском часе и алкоголе, а потом нарушать их снова и снова, как будто он не должен ни перед кем отчитываться? Иногда Саре казалось, что Роки родился бессовестным. Он мог быть обаятельным, а мог включить манипулятора, быть милым или лицемерить, мог веселить или отмалчиваться. Гордон вспоминает слова одного из наркологов о Роки: «Что бы он ни держал в себе, он это не отпустит».

Сара говорит, что Роки не доверял женщинам. Они ему не слишком нравились. «Я думаю, когда Линда все-таки ушла, они об этом особенно не разговаривали. Гордон и дети. Линда и дети. Я думаю, это наверняка повлияло на Роки, ведь он был первенцем и любимцем Гордона», – говорит Сара. Затем она упоминает переезд, внезапный отъезд из Огайо в Монтану. «Когда мы все уехали, почему [мы] не говорили об этом?» Сейчас это кажется ей невероятным. Чего они боялись? «Невероятно» – неподходящее слово, подходящего просто нет. Почему они не обсудили это? Всё это? Как семья? Сейчас, под ретроспективным взглядом на тот ужас, в котором они живут, Сара и Гордон поражаются тому, как они могли когда-либо считать, что открытый, честный разговор о такой распространенной вещи в наши дни, как развод, новый брак или переезд в другой штат, настолько труден, что лучше промолчать? Может быть, эта беседа дала бы Роки ответы, в которых он нуждался? Может быть, этот разговор смог бы как-то облегчить его боль?

И Сара, и Гордон говорят, что Роки так и не повзрослел. Когда Мишель вошла в его жизнь, она была очень молода, но став матерью, она его переросла. «Он просто не мог этого

понять, – рассказывает Гордон, – она выросла, а он нет. И, по правде говоря, чем больше узнаешь...» Гордон замолкает. Думает о том, подорвало ли раннее употребление наркотиков и алкоголя эмоциональное развитие Роки.

Сейчас Сара и Гордон живут именно так. В бесконечной, замкнутой петле поиска вариантов возможных действий в прошлом. Это наследие убийств на почве домашнего насилия, травма, которая оставляет отпечаток на многих поколениях семьи. *Что мы упустили?*

Сара и Гордон даже толком не могут оплакивать убитых, мысленно всё время возвращаясь к тому, что Мишель, Кристи и Кайл должны и сейчас быть здесь. Кристи как раз заканчивает колледж, а Кайл, наверное, выбирает основную дисциплину. Или, может быть, рыбачит со стареющим отцом. Мишель в халате медсестры склоняется над новорожденным. Саре и Гордону не скрыться от того, что сделал Роки. От его последнего действия, которое полностью затмило всё то, кем он был, всё то хорошее, что было в нем.

Сара сказала мне, что как-то раз на одном из выездов на природу, примерно за год до происшествия, она почувствовала невероятное облегчение и благодарность за то, что их семья не распалась. Эти ужасные, хаотичные подростковые годы, когда Роки был в Пайн-Хилз, а позже – в техасской тюрьме, а Майк отбился от рук и постоянно ввязывался в драки. «Ну наконец-то, наконец-то, – думала Сара, – мы стали нормальной семьей». Но эта мысль не задерживается надолго. Любое воспоминание о том времени автоматически отзывается тягостным ощущением потери. Они ведь что-то упустили, – что-то, что, вероятно, происходило прямо у них под носом.

Они не виноваты.

Умом они это понимают.

Но чувствуют совсем иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.